

КАМИЛА ЛЕВИТАН

КЛИНИКА
МЕДИЦИНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

РЕЦЕПТ

Морфин
10 мг/мл

РАЗВОД С ПРЕДАТЕЛЕМ.
ТЫ УКРАЛ МОРФИН
И ПОДСТАВИЛ МЕНЯ!

Камила Левитан

**Развод с предателем. Ты украл
морфин и подставил меня!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Развод с предателем. Ты украл морфин и подставил меня! /

К. Левитан — «Автор», 2026

Я семь лет верила мужу. Работала медсестрой в военном госпитале, растила его дочь и считала нашу семью крепкой. Пока однажды не нашла в кармане его халата рецепт на морфин. С моей подписью. Которую я никогда не ставила. Оказалось, Игорь давно ведёт двойную жизнь. А теперь собирается обвинить меня в хищении наркотических препаратов, уволить из госпиталя и оставить без дома. Но самое страшное открылось позже. Пациентам вместо обезболивающего выдавали пустышки. Люди умирали, а кто-то зарабатывал миллионы. Муж уверен, что связи его отца-генерала защитят от любого расследования. Но я нашла доказательства. И теперь ему придётся ответить за каждую украденную ампулу.

© Левитан К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Камила Левитан

Развод с предателем. Ты украл морфин и подставил меня!

Глава 1

Стиральная машина гудела ровно и монотонно — этот звук был для меня якорем в хаосе суток. Я сидела на полу прачечной, скрестив ноги, и смотрела, как через мутное стекло барабана крутится белый халат Игоря. Завтра я должна была его высушить и отгладить к совещанию с генералами. Мой муж, начальник планового отдела нашего военного госпиталя, всегда выглядел безупречно. Даже когда лгал мне в лицо.

Дождавшись конца цикла, я открыла дверцу и потянула халат из барабана. Пахнуло мокрой тканью, но за этим запахом чувствовалась другая нота — тяжелая, химическая, почти тошнотворная сладость. Не моя парфюмерия. Не его одеколон.

Халат выскользнул из машины, влажный и тяжелый. Я развернула его, проверяя карманы, как делала тысячу раз за семь лет брака. В левом внутреннем кармане что-то хрустнуло. Скомканный листок. Я расправила бумагу дрожащими пальцами.

Рецепт. Бланк строгой отчетности.

Морфин. Препарат, за каждую ампулу которого в реанимации отчитывались отдельно. Здесь стояло количество на целое отделение, а получатель был один. Имя пациента: Вера Соколова. Заведующая аптечным складом. Та самая Вера, которая два месяца назад пришла в госпиталь с улыбкой хищника и глазами лани.

Мой профессиональный рефлекс медсестры реанимации включился раньше мозга. Проверить легитимность. Сверить реквизиты. Я перевернула листок. Отметка о получении. Моя фамилия — и росчерк, который должен был принадлежать мне. Но нажим был слишком сильным: Игорь так вдавливал ручку в бумагу даже в списке покупок. Он не должен был получать препараты под моим именем. Он администратор. Карьерист. Человек, который считает жизнь бухгалтерским балансом.

Я приложила рецепт к свету лампы. Водяной знак был настоящий. А вот фамилия получателя и эта подпись рядом не должны были оказаться на одном бланке. Это должностное преступление. Подделка медицинского документа. Уголовная статья.

Где-то внутри живота образовался тугий узел. Холодный, как ледяной компресс после ожога. Три месяца назад. Дата на рецепте стояла трехмесячной давности. Я вспомнила тот день. Я дежурила в реанимации, помогала принимать пациентку с преэклампсией, спала четыре часа в сутки, считая каждую минуту перед тем, как упасть без сил. А Игорь? Игорь говорил, что у него экстренное совещание с командованием гарнизона. Что он не может даже позвонить, потому что «все телефоны сдали на вход».

Ложь вошла в мою жизнь не через постель, а через стерильную медицинскую форму. Через протокол. Через систему, которую я защищала ценой своего здоровья.

Ключ повернулся в замке входной двери. Громко. Резко. Сердце пропустило удар, а затем заколотилось так, что заложило уши. Игорь вернулся. Позже обычного. На десять минут позже. Или раньше? Время стало резиновым, тягучим.

Я сунула рецепт обратно в карман халата, который все еще лежал на полу. Забыла закрыть стиральную машину. Стояла посреди прачечной, как вкопанная, слушая шаги в коридоре.

Он появился в дверном проеме, снимая пиджак. Его глаза были красными, веки опущены, но в них плескалась уверенность хозяина жизни. От него пахло дорогим табаком, кофе

и... ванилью. Недешевой, приторной, искусственной ванилью. Таким же запахом пользовалась Вера. Я заметила это на прошлой неделе, когда случайно столкнулась с ней в лифте. Она тогда сказала, что это новый аромат, и засмеялась своим фирменным смехом — коротким, отрывистым.

— Ты чего тут стоишь, как привидение? — голос Игоря был низким, чуть хриплым. Он бросил пиджак на спинку стула. — Лена, мы договорились, что ты не будешь ждать меня до ночи. Это нездоровые привычки.

Я молчала. Голос застрял в горле, став сухим и шершавым.

— Халат, — наконец выдавила я. — Нужно было проверить карманы. Перед стиркой.

Игорь усмехнулся. Эта усмешка ползла по его лицу медленно, как трещина по льду.

— Паранойя, Леночка. Ты слишком много времени проводишь среди умирающих. Начинаясь видеть угрозы там, где их нет.

Он подошел ближе. Слишком близко. Я почувствовала тепло его тела, запах чужих духов, смешанный с его собственным потом. Он перехватил мое запястье. Не грубо, но властно. Пальцы сомкнулись на косточках, впиваясь в кожу. Боль была острой, внезапной.

— Отпусти, — прошептала я.

— Посмотри на себя, — он не отпускал, наоборот, сжал сильнее. — Ты бледная. У тебя трясутся руки. Если ты сейчас начнешь устраивать сцены из-за какой-то мелочи, я буду вынужден принять меры. Ты знаешь, как легко лишиться лицензии старшей медсестры за эмоциональную нестабильность? Особенно если главный врач услышит жалобы на твой характер.

Его рука давила на мои нервные окончания, блокируя голос, превращая слова в бессмысленный шум. Это было физическое давление, замаскированное под заботу о моей карьере. Я понимала: он знает. Знает, что я видела рецепт. И он не боится правды. Он боится только моего голоса.

Я выдернула руку, резко, оставив на коже красные следы от его пальцев. Он не стал препятствовать. Только посмотрел на меня с жалостью, которая резала больнее любой злобы.

— Иди спать, Елена. Тебе нужно выспаться. Завтра важный день.

Он ушел в спальню. Я осталась стоять в прачечной, слушая, как прикрывается дверь спальни. Потом закрыла глаза и вдохнула воздух полной грудью, пытаясь очистить легкие от этой ядовитой ванили.

Путь в ванную казался бесконечным. Кафельный пол был холодным, босые ноги скользили по нему, и каждый шаг отдавался эхом в пустоте квартиры. Мне нужно было смыть с кожи ощущение его рук. Ощущение его власти.

Я включила воду. Теплая струя ударила по предплечьям, смывая невидимую грязь. Я взяла губку, жесткую, хозяйственную, и начала тереть запястья, пока кожа не стала розовой и воспаленной. Боль была хорошей. Боль была реальной. В отличие от его слов.

Поднимая голову, чтобы взглянуть на себя в зеркало над раковиной, я замерла.

На стекле, в углу, возле флакона с моими средствами для волос, был отчетливый след. Розовый отпечаток. Помада. Цвет «розовый кварц». Оттенок, который Вера наносила каждый день.

За последние три дня я почти не бывала дома. Игорь говорил, что у него совещания дома, в кабинете. Он не приводил гостей. Никогда.

Я схватила тряпку и яростно стерла пятно. Круговыми движениями, до скрипа стекла. Пятно исчезло, но память о нем осталась выжженной дырой в голове.

Я вернулась в спальню, где Игорь уже храпел, отвернувшись к стене. Его дыхание было ровным, спокойным. Я смотрела на его неподвижную спину и пыталась вспомнить, когда перестала ждать от него тепла.

Я легла на свою половину кровати, сохраняя дистанцию в полметра. Лежала неподвижно, глядя в потолок. Каждую секунду я ждала, что он проснется. Ждала, что он спросит: «Ты нашла?» Но он спал крепко, как человек, которому нечего терять.

Утро наступило серым, пасмурным. Гарнизонный город тонул в тумане. Я встала первой, стараясь не шуметь. На кухне уже свистел чайник: Игорь встал следом за мной. Он пил свой кофе молча, читая новости на телефоне. Катя, его дочь от первого брака, сидела за столом, ковыряя вилкой омлет. Ей было четырнадцать, возраст, когда дети начинают казаться взрослыми, но остаются детьми.

— Мам, ты чего такая белая? — спросила Катя, не поднимая глаз от тарелки.

Игорь хмыкнул, не отрываясь от экрана.

— Твоя мама любит драму, Катя. Проснулась с плохим настроением.

Катя подняла взгляд. В ее глазах, обычно живых и любопытных, сегодня плескалось раздражение. Осуждение. Она знала. Или ей уже успели рассказать свою версию событий. Версию, где отец — жертва истеричной мачехи, которая душит его контролем.

— Ты опять ревнуешь? — тихо спросила она. Голос девочки был тонким, ломким, но слова били точно в цель. — Папа работает двадцать четыре часа в сутки. А ты подозреваешь всех подряд. Это... некрасиво, мам.

Я открыла рот, чтобы сказать правду. Чтобы крикнуть, что это не ревность, а доказательства. Но язык присох к нёбу. Взгляд Кати был твердым, закрытым. Стена между нами выросла за одну ночь, прочная, как бетон. Предательство пришло не только от мужа. Оно пришло от ребенка, которого я растила, которого любила как дочь. Она выбрала сторону силы. Выбрала отца, потому что он обещал ей безопасность и статус.

— Я собираюсь на работу, — произнесла я механически, вставая. Голос звучал чужим, металлическим.

Игорь не посмотрел на меня. Только продолжил пить кофе.

Я вышла из кухни, чувствуя спиной два тяжелых взгляда. Один — оценивающий, другой — обвиняющий.

В спальне я подошла к шкафу, где в нижнем ящике лежал мой личный сейф с документами. Маленький, железный; его ключ я привыкла носить отдельно от квартирных.

Я повернула ключ. Дверца щелкнула, открываясь. Внутри лежали паспорта, свидетельства о браке, диплом. И тот скомканный рецепт, который я утром незаметно забрала из халата. Я хотела положить его обратно, спрятать надежнее. Возможно, сделать копию. Возможно, найти юриста.

Но мой взгляд упал на другую стопку бумаг, лежавшую сверху. Тонкая папка. Белая.

Я достала ее. Руки дрожали, но теперь это была не дрожь страха. Это была дрожь адреналина перед прыжком в пропасть.

Первый лист. Доверенность.

Дата: три месяца назад. День, когда я дежурила в реанимации.

Имя доверителя: Елена Викторовна Соколова.

Представитель: Игорь Сергеевич Соколов.

Право представлять интересы в медицинских учреждениях, подписывать финансовые документы, получать сильнодействующие препараты...

Подпись внизу страницы была моей. Идеальной копией. Каждый завиток, каждая петля. Я никогда не ставила эту доверенность. Я никогда не соглашалась на это.

Но почерк был мой.

Мир качнулся. Пол уходил из-под ног.

Оказывается, чужого запаха на его рубашке было мало. Ему понадобилось ещё и моё имя.

Глава 2

Игорь использовал мое доверие, мою близость, мою любовь, чтобы оформить доступ к препаратам через мое имя. Он не просто прятал от меня свои встречи с Верой. Он сделал меня соучастницей хищения. Он подготовил почву, чтобы свалить на меня всю ответственность, если дело вскроется.

Я смотрела на свою подпись, украденную и проданную за коробку таблеток, и понимала: если я молчу, я сяду в тюрьму вместо него. А если заговорю — он уничтожит меня раньше, чем я успею моргнуть.

Ночь я провела без сна. Бланк лежал под матрасом — банальное укрытие, но единственное, которое пришло мне в голову. Я ловила себя на том, что раз за разом проверяю его на месте, хотя в квартире, кроме нас двоих, не мог войти никто. Дышать рядом с Игорем, зная, что он знает, оказалось труднее, чем смотреть ему в глаза.

Утром я собралась на смену как обычно: глажённый халат, тугой пучок волос, ровные швы на лице. Медсестра реанимации не имеет права выглядеть жертвой.

Бумага была тонкой, но в моих пальцах она горела, как раскалённый уголь. К утру я успела снять рецепт на телефон. Теперь прижала оригинал к груди: в ординаторской Игорь уже тянулся к бумаге. Игорь стоял напротив, и его лицо — это идеальное, отполированное до блеска лицо начальника планового отдела — искажалось не гневом, а чем-то более опасным. Презрением.

— Отдай, Елена, — сказал он тихо. Так тихо, что я инстинктивно напрягла плечи, ожидая удара. — Это внутренняя ошибка аптеки. Вера уже всё урегулировала. Ты создаёшь проблему там, где её нет.

Его рука метнулась вперёд, хватая меня за запястье. Пальцы были холодными и сильными, сжимая кость так, будто проверяли на прочность. Боль пронзила предплечье, отдавая в локоть.

— Пока подпись не проверена, — я выдернула руку, делая шаг назад, и мой голос дрогнул, но слова вышли чёткими, как скальпель, — этот документ является вещественным доказательством халатности вашего отдела. А не «внутренней ошибкой».

Игорь замер. В его глазах мелькнуло что-то похожее на растерянность. Он привык, что я подчиняюсь протоколу, а не эмоциям. Но сейчас я ломала схему.

В дверь ординаторской просочилась Вера. Она улыбалась своей дежурной, аптечной улыбкой, пахнувшей дешёвой ванилью и спиртом.

— Ой, какие страсти! — протянула она, поправляя волосы. — Лена, ты опять? Нервы ни к чёрту после ночных дежурств. Мы же обсуждали, тебе нужно отдохнуть. Не позорься перед коллегами из-за каких-то бумажек.

Слова Веры повисли в воздухе липким облаком. Я чувствовала, как взгляд остальных медсестёр скользит по мне: жалость, смешанная с отвращением. Никто не попросил Веру замолчать. Медсестра у окна торопливо опустила глаза в журнал. Ещё вчера она меняла со мной смену; сегодня ей стало неудобно даже смотреть в мою сторону.

Игорь выпрямился, отряхивая несуществующую пылинку с пиджака.

— Иди ко мне, в кабинет. Немедленно.

Кабинет Игоря был стерильно белым, как реанимация, только без крови. Он сел за стол, откинулся в кресле и посмотрел на меня сверху вниз.

— Либо ты пишешь заявление по собственному желанию, «по семейным обстоятельствам», либо я инициирую проверку твоих личных дел. Знаешь, что такое проверка этики для старшей медсестры? Лицензия, которую ты будешь восстанавливать годами. Если вообще восстановишь.

Мой желудок скрутило спазмом. Угроза висеть без работы, без денег, с матерью-пенсионеркой на шее... Страх поднимался волной, перехватывая горло. Но внутри, под страхом, билась холодная злость. Так я злилась, когда мне приносили не ту ампулу, а потом пытались убедить, что разницы нет.

— Мне нужно подумать, — сказала я ровным голосом.

— Думай быстро, Лена. Время пошло.

Я вышла из кабинета, но не в коридор, а в архивную комнату, примыкающую к его офису. Пока он звонил отцу или Вере, я имела ровно три минуты. Три минуты на то, чтобы найти журнал выдачи препаратов за тот день. Я перелистывала страницы с лихорадочной скоростью, пальцы скользили по колонкам цифр. Вот она. На соседних строках — моя настоящая подпись и чужой росчерк под моим именем. Разница была микроскопической, но я знала свой почерк лучше, чем свою душу. Нажим пера был другим. Угол наклона букв смещён.

Я достала телефон и сделала снимок. Сердце колотилось так сильно, что я слышала пульс в ушах. Это было новое оружие. Бумажный след, который нельзя уничтожить одним звонком.

В коридоре я столкнулась с Дмитрием. Военный следователь выглядел уставшим, его куртка пахла табаком и морозом. Он шёл за справкой по другому делу, но заметил меня.

— Елена Викторовна, — кивнул он сухо.

Я открыла на телефоне снимок рецепта, прикрыв экран ладонью от коридора.

— Дмитрий, взгляните. Это подделка.

Он отстранился, даже не взглянув на экран. Его взгляд метнулся в сторону камеры наблюдения, установленной в углу.

— Любое действие вне протокола будет расценено как давление на следствие, — произнёс он монотонно, словно читал инструкцию. — Вы понимаете, о чём я говорю?

Унижение обожгло щёки. Я убрала телефон в карман халата, чувствуя себя побеждённой. Но когда я уходила, боковым зрением увидела, как Дмитрий смотрит мне вслед. Не равнодушно. С любопытством исследователя, который нашёл интересную деталь в сложном механизме.

Дома меня ждал ад. Катя сидела на кухне, яростно тыкая пальцем в экран телефона. Четырнадцать лет — возраст, когда мир делится на тех, кто прав, и тех, кого нужно ненавидеть.

— Папа говорит, ты сумасшедшая, — бросила падчерица, не поднимая головы. — Что ты выдумываешь измены, потому что завидуешь Вере. Что ты разваливаешь семью.

Она показала экран. Там была переписка Игоря с кем-то (скорее всего, с Вериной подругой), где он называл меня «неадекватной» и жаловался на мою «истеричность».

Я молча положила её телефон экраном вниз. Катя дёрнулась, но я придержала её руку.

— Иди в свою комнату, Катя.

— Не указывай мне! — крикнула она.

Я не ответила. Просто развернулась и пошла в ванную. Заперла дверь. Щелчок замка прозвучал громче выстрела. Я включила воду, чтобы заглушить звуки снаружи, и села на крышку унитаза, обхватив голову руками. Вода шумела, а я всё прислушивалась: не подойдут ли к двери? Ни к мужу, ни к Кате сейчас не выйти. В кармане лежала эта проклятая бумага.

Я достала телефон и ещё раз просмотрела фотографии. Время съёмки, страница журнала, подпись. Этого мне и надо держаться. Тупик внутри госпиталя был очевиден: никто не станет связываться с семьёй генерала. В госпитале каждый мой вопрос доходил до Игоря раньше, чем я выходила из кабинета. Значит, нужно искать помощь снаружи. Рискнуть нарушить субординацию окончательно.

Ночь в госпитале была тихой и гулкой. Я проникла в архив планового отдела, используя старый ключ, который Игорь забыл в ящике стола во время нашего последнего разговора. Он всегда был небрежен, когда чувствовал своё превосходство. Эта небрежность стала моей лазейкой.

Тусклый свет аварийного освещения бросал длинные тени на стеллажи. Я искала оригиналы бланков строгой отчётности за прошлый месяц. Мне нужно было сравнить почерк Веры и того, кто ставил подпись вместо меня. Или наоборот. Кто бы это ни сделал, ошибки должны быть видны.

Руки дрожали. Я перелистывала папки, слыша собственное дыхание. Внезапно вспыхнул верхний свет, ослепив глаза.

— Стоять! Руки вверх!

Это был охранник. И за его спиной маячила фигура Игоря. Они ждали меня. Игорь знал. Он подозревал кражу документов и вызвал охрану заранее.

Паника ударила в виски, но тело среагировало быстрее разума. Я успела сделать снимок страницы с фальшивой подписью и пустого бланка, прежде чем их тени накрыли меня. Охранник видел только мой телефон в руке, а не документы. Я быстро сунула его в карман, изображая случайного посетителя, который просто зашёл «проверить свои данные».

— Что ты здесь делаешь? — голос Игоря был низким, вибрирующим от скрытой ярости.

— Искала историю болезни одного пациента, — соврала я, глядя ему прямо в глаза. — Заблудилась. Архив темный.

Игорь подошёл ближе, припнувшись. Он боялся. Не увольнения. Не скандала. Он боялся уголовного дела. Его агрессия, его ультиматумы, его попытки уничтожить улику — всё это было паникой человека, который чувствует, как земля уходит из-под ног. Я различала наклон и нажим на снимках. Для экспертизы этого могло не хватить, но теперь было с чем идти к Дмитрию. Это уже не измена. Это начало конца его власти.

Охранник обыскал меня поверхностно, ничего не найдя. Игорь махнул рукой, и они ушли, оставив меня одну в темноте архива. Сердце всё ещё колотилось. Я подождала, пока стихнут шаги, и только тогда позволила себе достать телефон. Фотография двух подписей лежала в памяти устройства. Чёткая. Резкая. Улика.

На следующее утро я пришла в приёмную Дмитрия. Секретарь пропустил меня без вопросов — видимо, Дмитрий дал команду. Следователь сидел за столом, разбирая бумаги. Он не поднял головы, когда я вошла.

— Я слушаю, — сказал он.

Я положила на его стол распечатанную фотографию. Две подписи. Одна моя, настоящая. Вторая — поддельная, но с теми же дефектами, что и в журнале.

Дмитрий посмотрел на снимок. Потом перевёл взгляд на меня. Долго, изучающе. Его лицо оставалось непроницаемым, но что-то изменилось в глубине глаз. Холодная вежливость сменилась профессиональным интересом.

Он медленно улыбнулся уголком рта. Это была не улыбка радости, а улыбка хищника, почувствовавшего запах крови добычи.

— Теперь мы говорим на одном языке, Елена Викторовна, — произнёс он тихо, забирая листок. — Но ты должна быть готова к тому, что этот язык убивает быстрее, чем пуля.

Глава 3

Дверь кабинета начальника планового отдела закрылась за мной с тихим шелчком, который прозвучал как выстрел в тишине коридора. Внутри пахло свежей краской и дорогим табаком — запахом власти, которую Игорь вдыхал полной грудью. Он не поднял глаз от монитора, давая мне стоять посреди его «стерильной зоны» ровно три минуты. Я считала секунды по биению пульса в висках. Я умела ждать, пока врач закончит запись и выслушает доклад. Но здесь Игорь просто держал меня перед столом — и наслаждался этим.

— Садись, Лена, — наконец бросил он, даже не повернувшись. Голос был ровным, скупающим. — У нас плановая сверка. Или ты забыла свой долг перед госпиталем?

Я не села. Вместо этого подошла к столу и положила на него распечатку рецепта. Бумага скользнула по глянцевой поверхности, остановившись прямо перед ним.

— Под моей фамилией стоит чужая подпись. В тот день я была на смене в реанимации. И доверенность, которую ты предъявляешь, я не подписывала. Это подделка, Игорь. Должностное преступление.

Он медленно поднял глаза. В них не было страха, только усталость человека, которого разбудили слишком рано.

— Протокол системы дал сбой, — сказал он, откидываясь в кресле. — Твоя подпись могла быть скопирована техническим персоналом при оцифровке архива. Если я инициирую внутреннюю проверку твоей личной жизни через отца, они найдут не только этот рецепт. Они найдут твои ночные звонки бывшему мужу из Питера. Даже оплату твоих курсов представят так, будто деньги ты взяла на складе. И тогда ты потеряешь не просто работу, Лена. Ты потеряешь право называться медсестрой. Лицензия аннулируется автоматически при уголовном деле против тебя.

Мое горло перехватил спазм. Холодный пот пробежал по спине. Он знал о звонках. Он копался в моей телефонии?

Игорь достал телефон и развернул экран ко мне. На нем было фото Кати — моей падчерицы, четырнадцатилетней девочки с большими грустными глазами. Она улыбалась, обнимая Веру за талию. Рядом надпись: «Новая мама готовит вкуснее, чем старая истеричка».

— Она уже знает, что ты «истеричка», потому что ты ходишь по госпиталю и шепчешься с коллегами о подделках, — голос Игоря стал мягче, ядовитее. — Подпиши бумагу о системной ошибке. Сохрани лицо. Сохрани Катю.

В этот момент дверь открылась без стука. Вера вошла, будто это была её квартира, а не служебный кабинет. Она поправила юбку-карандаш, ее духи — тяжелый, приторный аромат ладана — мгновенно заглушили табак.

— О, Елена Викторовна, — протянула она, игнорируя меня и глядя на Игоря. — Я тут прибралась на складе. Видишь ли, эти старые папки с хищениями... они мешают. Я их утилизировала.

Я замерла. Утилизировала? Папки, которые я видела вчера в сейфе? Она стёрла доказательства?

Игорь лишь усмехнулся, словно подтверждая её слова. Они действовали как единый механизм. Любовники? Нет. Сообщники.

— Компромисс, Лена, — продолжила Вера, подходя ближе и кладя руку на плечо Игоря. Он даже не убрал её руку. — Мы можем перевести тебя в поликлинику района. Спокойная работа, нет смены, нет стресса. Но ты должна забыть, что вообще заходила сюда сегодня.

Они смотрели на меня как на букашку, которую можно раздавить пальцем. Их уверенность строилась на образе покорной жены, которая боится потерять статус. Я почувствовала, как внутри что-то лопнуло. Не сердце. Страх.

— А какая процедура проверки личной жизни? — спросила я тихо.

Игорь удивленно поднял бровь.

— Что?

— На каком основании? Кто именно будет проводить проверку кадров? Какой приказ генерала лежит в основе этого давления? — я задавала вопросы, пока он не успел снова перебить меня. — Если вы хотите подать на меня в суд за клевету, нам нужно оформить повестку. Если вы угрожаете увольнением по собственному желанию, это незаконно без основания. Вы нарушаете порядок информирования сотрудника.

Лицо Веры исказилось. Игорь перестал улыбаться. Он ожидал слёз, а получил бюрократический щит. Игорь отодвинул бумагу, которую хотел заставить меня подписать. Этой маленькой передышкой я и воспользовалась.

— Вон, — рявкнул он.

Я вышла. Коридор встретил меня гулом вентиляции. Кабинет кадров находился напротив. Начальник отдела кадров, Семеныч, стоял у окна, куря электронную сигарету. Он увидел меня и вздохнул.

— Лен, ну чего ты добиваешься? — пробасил он. — Игорь позвонил. Говорит, у тебя нервный срыв. Лучше бы ты ушла сама. Пока не позорились. Не надо мне подписывать приказы об увольнениях по статье, там всё равно ничего не найду, кроме твоего «истерического поведения».

Сердце колотилось так, что хотелось выплюнуть его на пол. Но я вспомнила протокол реанимации: «Не паникуй. Оцени дыхательные пути. Дай кислород».

— Семеныч, — сказала я, доставая блокнот. — Мне нужно письменное обоснование претензий к моему профессиональному поведению за последние полгода. Согласно трудовому кодексу, я имею право знакомиться с материалами дела до издания приказа. Если вы отказываетесь предоставить документ, я буду вынуждена обратиться в прокуратуру по факту препятствования законной деятельности сотрудника.

Семеныч закашлялся. Он понимал: прямо сейчас у них нет оснований для увольнения. Только словесные угрозы. А подписывать обвинение только с чужих слов Семеныч не хотел.

— Давай без фокусов, Лена, — буркнул он, но видно было, что он растерян.

Я покинула здание госпиталя. Солнце било в глаза, вызывая слезы. Не от боли. От облегчения. Первый раунд остался за мной.

Дома было темно. Мать сидела на кухне, перебирая старые чеки. Руки у неё дрожали.

— Звонили, — прошептала она, не поднимая головы. — Генераловы люди. Сказали, придут проверять мою льготную пенсию. Мол, я внучку плохо воспитываю, если дочь твоя такая... дерзкая.

Страх за близких ударил сильнее, чем угроза работы. Такого удара я не ждала. Они давили на самое больное.

— Мама, ложись спать. Запри дверь.

Я прошла в свою комнату, включила лампу и взяла телефон. В контактах был единственный номер, сохраненный как «Д. Следователь». Дмитрий. Военный следователь, который два дня назад слушал мой сбивчивый рассказ о поддельной подписи, глядя на меня поверх очков с холодным интересом.

Набрала. Гудки шли бесконечно долго.

— Слушаю, — голос был хриплым, низким.

— Это Елена. Из госпиталя. Мне нужна консультация. Не как жертве. Как источнику информации.

Пауза.

— Где встречаемся?

— Парк у госпиталя. Через час.

Дмитрий ждал на скамейке, закутавшись в шинель. Он выглядел так, будто не спал двое суток. Его глаза были внимательными, оценивающими.

— Ты рискуешь жизнью, Лена, — начал он без приветствий, когда я села рядом. — Если ты продолжишь собирать улики самостоятельно, Игорь может инсценировать твою профнепригодность. Или ДТП. У него есть ресурсы.

— Знаю, — ответила я, чувствуя, как ветер продувает куртку насквозь. — Но я знаю больше. Я знаю, что Вера уничтожила папки со склада. У меня есть подозрение, что их отношения нужны для легализации активов. Вера слишком уверенно называет генерала папочкой.

Дмитрий замер.

— Откуда такие сведения?

— Я слышала их разговор в кабинете. И видела, что все документы идут через неё. Я думаю, Вера — дочь твоего генерала, а встречи с Игорем нужны им для вывода денег.

Он посмотрел на меня иначе. Раньше я была для него шумовой помехой, истеричкой. Теперь — активом.

— Защита будет только при условии полного сотрудничества, — сказал он строго. — Ты передаешь мне все доступы к архивам аптечного склада. Все копии приказов. Всё, что сможешь найти. Взамен я проверю твоё алиби и добьюсь защиты свидетеля. Но если ты солжешь хотя бы в мелочах, я не смогу тебя вытащить.

— Мне не нужно просто избежание наказания, — произнесла я, и голос мой дрогнул, но не от страха, а от ярости. — Я хочу видеть, как он потеряет всё. Каждую звезду на погонах, каждую должность, каждый рубль.

Дмитрий кивнул.

— Тогда завтра в десять утра. Приноси ключи от серверной.

В десять утра я положила перед Дмитрием ключ от серверной и лист с теми архивными доступами, которые ещё действовали. Он вызвал администратора: копирование провели при нём, по запросу, с описью файлов. Ключ я передала на время работы и получила обратно под расписку. На моём экземпляре описи Дмитрий поставил дату и подпись.

— Если вечером они скажут, что ты всё придумала, это уже проверяемая копия, — сказал он, убирая накопитель. — Сведения о твоей смене тоже сохранили. И сопровождение я дам. Не для камеры, для тебя.

Впервые мне было что положить в сумку кроме страха. Игорь ещё распоряжался архивом, но единственной копии у него больше не было.

Глава 4

Вечером того же дня пришло сообщение от Игоря. Фотография приглашения в ресторан быстрого питания «Пингвин», расположенный неподалеку от казарм. Текст был сухим: «Примирительная встреча. К Катиному дню рождения. Не опоздай. Будет пресса».

Ловушка. Они хотели снять сюжет о «ненормальной мачехе, которая устраивает скандалы на глазах у ребенка». Журналисты местного таблоида, нанятые Верой, будут ждать.

Я оделась. Не в домашний халат, как они ожидали. В строгий костюм цвета графит. Волосы собрала в тугий узел.

Когда я вошла в зал, там уже сидели Игорь, Вера и трое мужчин с камерами. Катя была рядом с отцом, ела картошку фри, опустив голову.

— Лена, садись, — сказал Игорь, улыбаясь для камеры. — Мы хотим обсудить семейные проблемы спокойно.

Я не села. Я посмотрела на журналистов, потом на Веру, которая нервно крутила кольцо на пальце.

— Здесь нет места для обсуждений, — сказала я громко. — Кроме того, у меня тоже есть гости.

Катя подняла голову. Её глаза расширились.

За моей спиной, в дверях ресторана, стояли мои спутницы. Там была женщина в форме военной полиции — подруга Дмитрия, которую он прислал как «сопровождение». И главное — там стояла тетя Люба, соседка по подъезду, известная своей болтливостью, которая случайно услышала мой разговор с матерью о звонках «генераловских людей» и решила, что ей тоже нужно присутствовать при «разборе полетов».

Катя до этого сидела молча, жав бумажный стаканчик так, что крышка пошла набок.

Пока я говорила, девочка вдруг встала. Она посмотрела не на меня. Она посмотрела на Веру.

— Папа, — сказала Катя тихо, но в тишине зала это прозвучало как колокол. — Почему Вера говорит, что ты подделал документы, чтобы купить ей квартиру? Я слышала в машине. Ты же говорил, что мы бедные.

Лицо Игоря побелело. Камеры повернулись к нему. Журналисты начали делать снимки. Вера попыталась схватить Катю за руку, но та отдернула её.

— Это ложь! — крикнул Игорь, теряя контроль. — Она истеричка! Посмотрите на неё!

Но он смотрел на дочь. А Катя смотрела на отца с новым, неизвестным ранее чувством. Разочарованием.

Я стояла и наблюдала, как рушится его фасад. Он больше не бог в этом гарнизоне. Он человек, пойманный на слове своим собственным ребенком.

Я развернулась и вышла. Воздух улицы показался сладким. Я впервые за много месяцев дышала полной грудью.

Ординаторская пахла хлоркой и чужим равнодушием. Я знала, где лежит журнал учёта списаний за прошлый квартал: третья полка снизу, между бланками на морфин и протоколами реанимации. Эта бумага была ключом к доказательству того, что подпись «Лена» в рецептах Веры — подделка.

Галина Петровна, старшая сестра отделения, стояла у шкафа, словно каменная баба. Она демонстративно перекладывала стопку простыней, игнорируя моё появление.

— Галина Петровна, мне нужен журнал списаний за третий месяц, — сказала я ровно, чувствуя, как пульс стучит в висках.

Она даже не подняла глаз. Просто покачала головой, будто отгоняя муху.

— Главное требование главврача — тишина в ординаторской во время обеда, Елена Викторовна. Вы забыли? Или нервная система снова дала сбой?

Её голос был сладким, как гнилое яблоко. Игорь уже сделал своё дело: она превратила мою профессиональную необходимость в повод для жалости и изоляции.

Я не стала спорить. Спорить с Галиной означало проиграть по их правилам. Вместо этого я шагнула в узкий проход между шкафами, зная наизусть каждый сантиметр планировки. Плечом задела холодный металл, но протиснулась. Пальцы метнулись к нужной папке. Журнал был здесь. Я сунула его в карман халата, чувствуя тяжесть бумаги, как тяжесть приговора.

Столовая госпиталя гудела, как осиное гнездо, но этот гул обрывался, стоило мне войти. Я выбрала стол у окна, подальше от центра. Коллеги, которые ещё вчера здоровались со мной дежурными фразами, теперь смотрели сквозь меня. Тарелка с борщом появилась передо мной с опозданием в десять минут. Официантка поставила её на самый край, так близко к краю стола, что ложка едва не соскользнула. Это было унижение мелкое, бытовое, но оттого не менее горькое. Еда для собаки.

Я взяла ложку. Съела всё. До последней капли бульона. Не дрогнула рукой, не поморщилась. Когда тарелка осталась идеально чистой, я аккуратно сложила салфетку треугольником и встала. Пусть они ждут слёз или истерики. Пусть подавятся ожиданием драмы.

Уходя, я краем глаза заметила движение у окна напротив. Кто-то в сером гражданском костюме наблюдал за столовой. Лицо было скрыто газетой, но поза выдавала внимание. Частный детектив Игоря? Или Дмитрий проверяет мою стойкость? Впервые за месяц мне стало и страшно, и интересно. Их игнорирование — это слепое пятно системы. Они считали меня жертвой, а жертвы обычно ломаются. Но я не ломалась.

Склад аптечных препаратов находился в подвале, куда редко спускались врачи. Здесь пахло пылью и картонными коробками. Компьютер администратора Димы стоял в углу, светясь синим экраном блокировки. Пароль. Мне сменили доступ «из соображений безопасности», как объяснил он утром, избегая моего взгляда. Его лицо было красным, пот стекал по вискам. Он боялся не меня, а того, кто за мной стоял.

— Дима, распечатай лист 45 из журнала списаний, — приказала я, доставая журнал из кармана.

Он замер.

— Лена... мне нельзя. Игорь Сергеевич сказал...

— Система хранит старые логины стажеров, если не произведена полная очистка базы, — перебила я, садясь на его стул. Мои пальцы быстро набрали комбинацию: Elena_S_2018. Старый пароль, который я использовала на курсах повышения квалификации. Никто не удаляет то, что кажется ненужным. Профессиональная внимательность к цифрам спасла ситуацию. Экран мигнул, и открылась база данных. Черновики были здесь. Я начала сканировать строки глазами, ища совпадения дат и сумм.

На выходе из склада меня ждала она.

Вера стояла, прислонившись спиной к стене, и улыбалась. Улыбка была стерильной, аптечной, без единого изъяна. На ней был дорогой кашемировый свитер, мягкий и пушистый, совершенно не подходящий для работы на складе.

— Тебе здесь не место, Еленочка, — прошептала она, подходя ближе. От неё пахло дорогими духами, которыми пользовался Игорь. Тот же запах, что я чувствовала на его рубашке в первые дни после разоблачения.

Игорь просил передать, что твоя мать звонила ему вчера. Она очень волнуется за твою нервную систему.

Холодок пробежал по спине, сковывая мышцы. Это был прямой намёк. Угроза здоровью моей матери. Инсульт, давление, стресс — они могли использовать всё, чтобы выжить меня из профессии и жизни. Паника рванула вверх, грозя захлестнуть разум.

Вдох-выдох. Фиксация фактов.

Протокол действий при стрессе. Я заставила себя остановиться. Смотрела не на её лицо, а на руки. Пальцы Веры были ухожены, ногти покрыты идеальным лаком. Ни мозолей, ни следов от скотча, ни пыли от коробок. Она была здесь не по делу. Она ждала именно меня. Ждала момента слабости.

Я ничего не ответила. Просто посмотрела ей в глаза, спокойно и холодно, как на биоматериал под микроскопом. И прошла мимо.

Реанимация встретила меня криком мониторов. Три пациента в критическом состоянии. Адреналин требовал немедленных действий, но тело отказывалось слушать. Руки дрожали. Ампула с раствором выскользнула из пальцев и разбилась о пол. Звук стекла показался оглушительным.

— Какого чёрта, Лена?! — медбрат Коля, молодой и агрессивный, схватил меня за плечо. — Ты совсем поехала крышей? Из-за тебя мы можем потерять больного! Перед лицом пациентов!

Стыд обжёг щеки. Я видела, как другие медсёстры отводят взгляд. Они тоже ждали, что я сорвусь. Что стану истеричкой, как говорила падчерица.

Но внутри меня что-то щёлкнуло. Холодная ярость сменила панику.

— Смените перчатки, — мой голос был тихим, но твёрдым, как скальпель. Я отодвинула ногой осколки от прохода. Убрала испачканные перчатки и взяла чистую пару. Коля всё ещё держал меня за плечо; я стряхнула его руку. Сейчас мне требовалась ампула, а не выговор.

Взяв новую ампулу, обработала её и набрала раствор в шприц. Проверила дозу по листу назначений и ввела препарат. Коля замолчал, глядя на монитор; мы оба ждали, когда начнёт выравниваться ритм. Коля отступил, пробормотав что-то неразборчивое. Тело помнило ремесло, даже если разум был в шоке. Я доказала себе: я не жертва. Я профессионал.

Глава 5

Вернувшись в кабинет администратора (пока Дима ходил за кофе), я быстро пролистала бумажный журнал, сверяя его с черновиками, которые успела скопировать на флешку. Ключевые страницы, где должны были быть подписи за март и апрель, были вырваны. Аккуратно, острым предметом. Кто-то был здесь до меня.

В дверь постучали. Ритмично, три раза.

Я вздрогнула. Открыла.

На пороге стоял Дмитрий. Военный следователь выглядел уставшим, но собранным. Он не вошёл. Просто положил на подоконник тонкую папку с надписью «Запрос прокуратуры №402/Г».

— Если передашь данные через меня, они станут уликами, а не кражей документов, — сказал он тихо, не глядя на меня. Его взгляд скользнул по коридору, проверяя безопасность.

Он давал мне легальный щит. И одновременно брал на себя риск. Если его увидят со мной, его могут уволить за нарушение субординации. Но он оставил папку.

— Спасибо, — выдохнула я.

Он кивнул и исчез за углом. Я схватила папку. Внутри лежали копии тех вырванных страниц. Значит, копии успели снять до Веры.

Ночная смена. Лифт госпитального корпуса часто пустует после полуночи. Я решила встретиться с Дмитрием там, чтобы передать ему найденные данные и обсудить следующий шаг. Кабинки лифта пахли дезодорантом и старой сталью. Цифры этажей медленно менялись.

Лифт остановился на этаже администрации.

Двери распахнулись.

На площадке стоял Игорь. Один. Без охраны. Его костюм был слегка помят, галстук ослаблен. Он выглядел не победителем, а зверем, загнанным в угол, но всё ещё опасным. Его глаза сузились, когда он увидел меня. А потом за моей спиной появился Дмитрий, который подошёл на условленную встречу.

Тишина стала осязаемой, плотной, как вакуум.

Игорь не кричал. Не угрожал. Он просто вошёл в лифт, не дожидаясь приглашения, и нажал кнопку закрытия дверей. Мы оказались в замкнутом пространстве трое.

— Вы оба ошибаетесь адресом, — произнёс он тихо. Его голос был бархатным, давящим. — Этот этаж закрыт для посторонних.

Я почувствовала, как холод пробрал до костей. Он не испугался нашего союза. Он знал о нём. Более того, он позволил нам быть вместе. Эта «тайная встреча» была ловушкой. Он хотел, чтобы мы совершили ошибку, которую можно будет использовать против нас обоих. Компрометация свидетеля и следователя. Нарушение режима секретности.

Игорь следил за нашим отражением. Я убрала руку от кармана с флешкой: сейчас он только и ждал, чтобы я что-нибудь передала Дмитрию.

Лифт двинулся вниз. Игорь стоял вполборота, наблюдая за нами в отражении металлических стен. В отражении я видела угол его рта. Он дождался, пока Дмитрий отвернётся, и только тогда улыбнулся мне.

Когда двери открылись на первом этаже, он вышел первым, не оглядываясь. Я смотрела ему вслед, ощущая, как внутри нарастает ледяная ясность. Пока я играю по правилам этого госпиталя, по протоколам, завязанным на генеральскую власть его отца, я всегда буду проигравшей. Он использует систему против меня. Архивы, пароли, этические нормы — всё это его оружие.

Мне нужно менять правила игры. Нужно выйти за пределы военной иерархии.

Я достала телефон. Пальцы всё ещё немного дрожали, но уверенно набирали номер. Ивана Петровича, отставного полковника: он уже давно спорил с генералом из-за закупок и знал, куда уходит часть поставок.

Абонент ответил после трёх гудков.

— Алло? — голос был хриплым, заспанным.

— Иван Петрович, — сказала я, и впервые за долгое время в моём голосе не было страха. Была только холодная решимость. — Меня зовут Елена Соколова. Вы говорили о закупках. Я нашла документы. Мне нужно понять, куда их передать, чтобы они не вернулись к генералу.

— В приёмную центрального аппарата СК, с заявлением и описью, — ответил Иван Петрович. Сон из его голоса исчез. — Номер приёмной сейчас пришлю. Позвони сама, уточни порядок передачи носителя. Не моему знакомому в карман, Лена. Получи входящий номер.

Я записала номер, который пришёл следом, и утром дозвонилась до приёмной. Там объяснили, как зарегистрировать обращение и приложить копии, а оригинальный носитель передать назначенной группе. Подтверждение регистрации я сохранила отдельно от флешки. Дмитрию отправила номер обращения: местный запрос оставался в деле, но теперь у документов был и второй, внешний адресат.

Записка на холодильнике была написана его почерком — с сильным нажимом; там, где он писал про маму, ручка продавила бумагу. «Если ты выйдешь раньше 18:00, я позвоню твоей маме». И ниже, мелким шрифтом, почти незаметно: «Она уже знает про твои ошибки в реанимации. Ей будет больно узнать правду о том, кто её дочь».

Я сжала бумагу до комка, впиваясь ногтями в пальцы. Боль отвлекала от паники. Игорь не просто запугивал. Он перекрывал кислород. Ключи висели в прихожей. Выйти я могла — вот только Игорь сразу узнал бы. Окна третьего этажа выходили во двор, на вход в подъезд смотрели соседские камеры. Мне требовалась причина уйти, которую нельзя было назвать побегом.

Я знала, что нужно делать при таком давлении. Теперь оставалось заставить бригаду осмотреть меня, несмотря на звонок Игоря.

Я схватила со стола тонометр, который всегда держала под рукой для себя. Цифры прыгали: верхнее 180, нижнее 110. Я перемерила давление. Те же цифры. От угрозы маме меня действительно трясло; придумывать симптомы уже не требовалось. Пот выступил на лбу, липкий и горячий. С такими цифрами оставаться одной было опасно. Пусть Игорь попробует объяснить, почему я не имею права обратиться за помощью.

Набрала 103. Голос получился сорванным, хриплым.

— Помогите... Голова раскалывается... Темнеет перед глазами...

Через двадцать минут в дверь постучали. Не звонили — стучали уверенно, кулаком. Я открыла, опираясь на дверной косяк, делая вид, что вот-вот рухну. На пороге стояли двое фельдшеров. Один был мне знаком — Саня, парень из приемного покоя, приятель Игоря по рыбалке. Второй — чужой, молодой, с бегающими глазами.

Саня осмотрел меня, потрогал пульс, послушал давление. Его лицо оставалось каменным.

— Лена, ты чего? — спросил он тихо, так, чтобы напарник не услышал. — Игорь предупредил. Говорит, истерика. Давление нормальное, ты его сама себе накрутила. Мы тебя не повезем. Отдыхай.

Он повернулся к выходу, собирая чемоданчик. Молодой фельдшер нервно теребил рукав куртки.

— Сань, но показания...

— Показания врут, когда пациент играет роль, — отрезал Саня. — Поехали.

Игорь контролировал даже скорую. Он знал, кого отправить. Знал, как дать команду молчать. Внутри меня что-то щелкнуло — не страх, а холодная ярость, прозрачная и твердая, как стекло.

— Стоять, — мой голос прозвучал тише, чем шепот, но жестче удара.

Саня обернулся, подняв бровь.

— Что?

— Не пиши «ложный вызов», — я смотрела Сане прямо в зрачки. — Ты видишь показания и слышал жалобы. Повтори измерение. Запишите то, что получили, а не то, что сказал тебе Игорь. Если вы оставите меня здесь без осмотра, я потребую карту вызова. И твоему напарнику придётся объяснить, почему его запись отличается от твоих слов.

Молодой фельдшер побледнел. Он посмотрел на свои записи, потом на меня. Страх за карьеру пересилил лояльность к начальнику отдела.

— Саня, может... все-таки осмотрим тщательнее? Она бледная.

Саня скрипнул зубами. Он понял, что игра сорвалась. Я использовала его же оружие — бюрократию и закон.

— Тогда оставайся дома и вызови другую бригаду, — бросил он мне, не глядя. — Игорь узнает, что ты вызвала ещё кого-то.

— Узнает, — согласилась я. — Но пока ты не уехал, я могу вызвать другую бригаду. Ту, которая не знакома с твоим другом.

Молодой фельдшер не пошёл за ним. Он снова усадил меня, перемерил давление и записал жалобы и оба результата в карту вызова. Показания снизились; срочной перевозки, по его оценке после осмотра, сейчас не требовалось. Но «ложный вызов» он зачеркнул.

— Сегодня обратитесь в приёмное отделение, — сказал он, протягивая мне лист с рекомендациями. — Если снова станет хуже, вызывайте скорую. И не добирайтесь одна, когда кружится голова.

Я сфотографировала запись при нём. Осмотр состоялся, и основание выйти за медицинской помощью теперь было на бумаге. Саня ждал у машины и даже не обернулся к напарнику. После их ухода я посидела, пока перестали плыть стены. Почта была по пути к приёмному отделению; на лестнице всё ещё держалась за перила.

Улица встретила сыростью и запахом мокрых асфальтовых крошек. Гарнизонный город спал наяву: серые панельки, редкие прохожие, натянутый капюшон в толпе. Я шла быстро, стараясь не оглядываться, но чувство чужого взгляда зудело на затылке. Как игла.

Слева, в двух кварталах, мелькнула темная фигура. Капюшон. Широкие плечи. Он шел за мной, сохраняя дистанцию. Не охранник госпиталя — те были в униформе. Это был частный детектив или наймит Веры. Человек, готовый применить силу, а не только слова.

Паника подкатила к горлу. Бежать бессмысленно — он быстрее. Спрятаться нигде. Оставалось одно: хаос. Порядок, который я так любила, стал врагом. Хаос был союзником.

Глава 6

Я свернула в переулок, ведущий к центральному рынку. Толпа гудела, пахло свежим мясом, овощами и бензином. Женщины с сумками, мужчины с сигаретами, дети, тянущие родителей за руки. Я нырнула в этот поток, как акула в стаю мелкой рыбы.

Преследователь замешкался у входа. Он не мог протиснуться сквозь плотную массу тел. Я двигалась по памяти, зная каждый ряд, каждую лавку. Свернула за ряд с трикотажными вещами, скользнула между прилавками с зеленью, вышла через служебный вход, где разгружали машины.

Выдохнула. Сердце колотилось где-то в горле. Руки промокли от пота. Я потерла ладони о джинсы, оставляя влажные пятна. След потеряла. Но уверенность исчезла. Теперь я знала: они везде. Они смотрят.

Почтовое отделение находилось в конце длинной улицы, за сквером. Там были камеры. Там была очередь. Там был риск. Я решила отправлять письмо с уведомлением: квитанция останется у меня, даже если Игорь попытается вмешаться.

Внутри пахло пылью и краской. Очередь тянулась к окошкам приема посылок. Люди шумели, спорили из-за веса коробок. Я встала в конец очереди, прижимая к груди конверт. Бумага была тонкой, но тяжелее свинца. Внутри лежала копия того самого рецепта. Доказательство. Или ловушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.